

Дискурс социального субъекта и субъект социального дискурса: возможность знаниевых теорем

Л. Г. Сокурянская, А. С. Голиков

Кафедра социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Paper received 17.10.16; Accepted for publication 30.10.16.

Аннотация: В статье осуществляется теоретический анализ дискурса субъектности в современной западной и постсоветской социологии. Основные положения статьи касаются дискуссионных вопросов определения и операционализации субъекта и субъектности, а также возможностей построения теории субъектности в рамках аксиоматики социологии знания. Подчеркивается, что определения субъектности в постсовременном мире перестают быть достаточными и удовлетворительными. Делается вывод о возникновении феномена метасубъектности как качества агента, проявляющегося в его субъектности по отношению к собственной субъектности, а также о необходимости разработки соответствующей категории.

Ключевые слова: субъект, субъектность, социальное, социология знания, метасубъект.

Современная теоретическая социология, переосмысливая феноменальность социального и его основные характеристики, фиксирует внимание не только и не столько на социальной структуре, сколько на социальных процессах: Петр Штомпка, например, пишет о том, что сегодня особое значение приобретает «процессуальный образ» социальной реальности [1, р. 9]. Этот перенос акцентов интенсифицирует социологический дискурс субъектности: под влиянием «процессуализации» социального, «контингентизации» (если опираться на «двойную контингентность» по Н. Луману [2]) взаимодействия, а также общеметодологического сдвига в сторону разнообразных версий постмодернизма социальное рedefiniруется как своеобразное «поле возможностей», что неизбежно разворачивает фокус внимания в сторону субъекта и субъектности. Субъектная многовариантность (один из парафразов лумановской контингентности), индетерминированность отдельного действия¹, «событизация» социального² приводит к тому, что социология оказывается перед «вызовом возвращения» субъекта.

Учитывая же богатство синонимического ряда³, становится понятной констатация Е. Злобиной, согласно которой западная социология пребывает на *постсубъектной* стадии и поэтому концентрирует внимание, скорее, на *деконструкции субъекта*⁴. Эта деконструкция сопровождается «размыванием» субъекта (с формированием таких неоднозначных категорий, как «дивид», «мультивид», «полисубъект и т.п.», его аналитическим (и не только) «разложением».

Эти теоретические тенденции не являются ни случайными, ни самозарождающимися. Их корни уходят в онтологию социального, в которой наблюдаются

сложнейшие процессы, связанные со сменой статуса современного субъекта.

Достаточно очевидной является predisпозиция нашего анализа, а именно: что субъект является таковым в силу и поскольку он соответствует известному социологии и социологам пониманию субъекта и субъектности. Однако социология никогда не была свидетелем иного общества, нежели общества модерна и современного. Поэтому с необходимостью стоит предположить, что субъектность в известном социологии виде есть продукт общества современного и современного (и здесь особую помощь в анализе могут оказать Ж. Делёз и Ф. Гваттари [7], а также социологи Франкфуртской школы) не только экономического порядка; культурная универсализация (о чём детально писал З. Бауман [8]); политическая унификация на основании нововременного дискурса образца Ш. Монтескье – Ж.-Ж. Руссо – Г.В.Ф. Гегеля; социоструктурные процессы выстраивания разнообразной дифференциации.

Субъект, конструируемый сочетанием таких условий, обладает собственной спецификой, безусловно не объяснимой через, к примеру, тённисовский *Gemeinschaft* или спенсеровское «военное общество», дюркгеймовское общество «механической солидарности» или марксово общество любой другой общественно-экономической формации. И именно этот субъект сталкивается с вызовами и социальными новеллами, разрушающими сами предпосылки конституирования современного субъекта и субъектности. С нашей точки зрения⁵, анализ этих процессов возможен с применением техник и категорий социологии знания, описывающей конституирование социальной реальности, а следовательно, - и субъекта этой реальности.

В связи с этим **целью** нашей статьи является анализ релевантности социологического дискурса субъектности современным социальным процессам сквозь призму теорематики и аксиоматики социологии знания.

Все вышеприведенные нами выше понятия (актор, агент, субъект, деятель) семантически означают и морфологически апеллируют к действующему – ин-

¹ Что не отрицает (в логике «оркестрации без дирижёра») статистической прогнозируемости и классовой типичности социальных действий и явлений.

² В.А. Ядов, подхватывая мысль П. Штомпки, утверждает, что аналитической единицей социального становится «событие как действие общественного субъекта, или социального агента, в смысле деятельного, творческого начала, включенного в сложную систему социальных взаимосвязей» [3, с. 26-27].

³ Где и туреновский «человек действующий» [4], и постструктуралистский агент [5], и более субъектно понимаемый актер [3].

⁴ Ф. Джеймсон в работе «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» пишет, что субъект распался на поток эйфорийных энергий, фрагментарных и несвязанных, лишенных той глубины, субстанциональности, когерентности, которые были идеалом и достижением личности эпохи модернизма (цит.: по [6, р. 144]).

⁵ И тут мы далеко не одиноки, но следуем за логикой «индивидуализированного общества» З. Баумана [9], «культуры индивидуализма» М. Яцино [10] и т.п.

дивиду или группе⁶. Однако практически за рамки нашего обсуждения мы предполагаем вывести достаточно модное в современной научной литературе понятие *агент*. Во-первых, в силу наличия у этого понятия излишних для нашего дальнейшего анализа коннотаций, на одну из которых указывает М. Арчер, согласно которой агентность – это «родовой термин, который прежде всего отражает специфику человеческой «самости», воплощенную в единстве структуры и действия, ее рефлексивную, намеренную, продвигающую и творческую природу» [13, р. 319–378]. Этот волюнтаристский акцент практически несоциологизируем, он апеллирует к фрейдовским и мидовским категориям «сущности», «инстинкта», «Id», а также к зimmelевскому «содержанию», что автоматически выводит его из-под классифицирующей интенции социологии. Во-вторых, как отмечает О.Д. Куценко, агенты «не выступают субъектами (актерами) социального процесса. Их действия чаще всего не подразумевают сознательное влияние ... Однако их выборы в ситуациях повседневности оказываются решающими для социальной стабильности и процессов изменений. Сам же выбор не детерминируется жесткими нормативно-целевыми рамками, а определяются более «свободно»: набором временных задач, социальной легитимацией, имеющимися поддержками (в том числе и культурными)» [14, с. 16]. Иначе говоря, агент (в отличие от субъекта) является лишь своего рода «проводником», транслятором, ценностно-нормативной системы общества, господствующих дискурсов, структурных ограничений и т.п. Тут с нами согласны интерпретаторы Штомпки, подчёркивающие, что «данный термин ... относительно нов. Он означает носителя (выразителя и реализатора) признаков, функций определенного института» [15, с. 6].

В комплиментарность ему, понятие актора⁷, самой семантикой апеллирующее к акту, «исполнителю» определенных социальных действий, социальных ролей⁸, причём predisпозицией этой категории является гипотеза, что социальные акторы далеко не «всегда сознательно «осуществляют» руководство своими деяниями» [17, с. 254]. Это хорошо иллюстрируется парсонсовским словоупотреблением: для американского структурного функционалиста «актор» – это эмпирическая система действия (неважно, индивидуальная или коллективная) (см.: [18]) – то есть система, находящаяся в пределах как социально сформулированных целей, так и социально приемлемых средств, как социально репродуцируемых дискурсов, так и социально репродуцирующих институтов.

В условиях «текучей современности» [19], когда «сами социальные структуры пришли в движение», а не только люди между их ячейками [20], когда неочевидными и дискуссионными становятся все аксиомы и максимы здравого смысла (в бурдьевистском, а следо-

вательно, иронично-вопрошающем смысле этого словосочетания), когда трансформация становится нормой, а норма – трансформирующейся, социологически правомернее и онтологически точнее использовать понятие субъект⁹. Субъект в таком мире становится не просто носителем самостоятельности, не только отсылается к самодеятельности, не только к постоянному продуцированию и изобретательности¹⁰, но и обречённым на обладание ответственностью¹¹ как за свою жизнь, так и за своё – более или менее частичное – (само)конструирование.

Здесь вполне иллюстративным становится «перекладывание ответственности» с её традиционных инстанций (институты образования; государственные механизмы социальной политики; традиционные агенты конструирования биографии; традиционные места производства идеологии и т.п.) на атомизированных и индивидуализированных людей. Это происходит в хаотизированном социальном пространстве, в котором из-за кардинальных социоструктурных изменений далеко не все социальные роли четко прописаны; их онтология, скорее, релевантна категориям «обозначены», «намечены», «контурны», «мерцающие». На смену точной режиссуре ролей приходит гибкий сценарий ионесковского театра абсурда; ясному распределению ролей – синкретичность роли: человек сегодня должен быть и сам себе сценаристом, и сам себе режиссером. Субъектность перестаёт быть субъектностью сугубо абстрактной свободы точно так же, как она перестаёт быть субъектностью произвольного выбора или творческого проектирования.

Безусловно, нельзя забывать как уже подчёркивалось выше, что субъектность – это социальная конструкция, феноменальность которой существенно модифицируется в зависимости от социокультурной и исторической специфики, и далеко не в каждый момент человеческой истории и не в любой точке физического и социального пространства «быть субъектом» означало и означает «обладать свободой», «иметь самоинспирирование», «творчески созидать свою биографию». Во-первых (аргумент от микроуровня), далеко не каждый способен на такое творчество; не все могут стать подлинными субъектами. Во-вторых (аргумент от макроуровня), социальная субъектность всегда должна структурно сопрягаться с со-

⁹ Здесь совершенно по-другому начинает звучать уточнение от М. Хайдеггера, который, исследуя генезис и эпистемологию «субъекта», подчёркивал, что первоначально древнегреческие философы обозначали им все сущее, т.е. использовали в значении, близком к понятию «субстанция». В конце же средневековья под субъектом понимается «Я», что обуславливалось осознанием «Я» своего отличия от других [21, с. 85]. «Индивидуальные субъекты, - пишет Майкл Рустин, - были «открыты» (некоторые сказали бы, что их «изобрели» или «сконструировали») и стали главным предметом культурного интереса на ранней стадии современной истории. Впервые это произошло в культуре и обществе Европы. Начиная с конца XVI века, европейское общество демонстрировало растущий интерес к индивидуам, их отличиям, приписываемой им психологической глубине, моральным ценностям, готовности к изменению и развитию» [22, с. 8]. Это лишний раз иллюстрирует верность наших выкладок касательно «модерного изобретения» субъектности.

¹⁰ В конце концов, изобретательность, если полагаться на Бурдьё, также в некотором смысле ограничена габитусом, этим «искусством изобретения» [23].

¹¹ Что целиком соответствует господству неолиберального дискурса в политике и экономике – см. [24].

⁶ Агент – от лат. *agens* (*agentis*) - действующий; актор – от лат. *actus* – поступок, действие [11, с. 14, 23]; субъект – от лат. *subjectus* – лежащий в основании [12, с. 351].

⁷ В социологический оборот понятие «актор» вошло благодаря работам таких известных социальных ученых, как П. Бурдьё, М. Маффесоли, М. де Серто, А. Турен.

⁸ Здесь слово «акт», пожалуй, лучше всего объясняется использованием этого слова в драматургической социологии И. Гофмана [8].

циальной структурностью / закономерностями / обусловленностями. Именно поэтому «поиски» социального субъекта являются насущной теоретической и практической потребностью не только в региональном, но и в глобальном контексте, не только эпистемологически, но и гносеологически. При этом важнейшим эпистемологическим шагом является (ре)формулировка критериев и индикаторов такого атрибутивного качества общественного субъекта, как социальная субъектность.

Конечно, сам по себе вопрос о субъекте (и, соответственно, его атрибуте – социальной субъектности) никогда не был чужд социальной мысли – прежде всего как «поиск пружин, лежащих в основе социальной динамики, управления и преобразования общества» [25, с. 242]. И если на заре развития человечества субъектность была отнесена исключительно к сфере сверхъестественного, которая формировала и контролировала индивидуальную и общественную жизнь, то по мере исторического развития субъект сначала «был спущен на землю», секуляризован и сведен к естественным силам, а затем и онтологически гуманизован. Однако эта гуманизация ещё не означала социализации – конституирование субъекта долго не превращалось в процесс социальный. В этом смысле онтолого-философское замечание К. Маркса касательно природы личности было одной из первых подобных аксиоматизаций того, что сейчас нам представляется самоочевидным.

В дальнейшем различные направления социологического знания по-разному артикулировали проблему социального субъекта – от дегуманизации субъекта действия¹² до гипергуманизации (а следовательно, и радикальной десоциализации субъекта действия в субъективистских теориях берклианского толка в философском смысле (см., например, [26])). Впрочем, полярными суждениями по этой шкале ситуация не исчерпывается. Так, и представители «организменной» модели общества не всегда игнорировали роль индивидуальных субъектов в социальной динамике. Например, даже Э. Дюркгейм с его представлением об индивидуе как о преимущественно общественном «продукте», а не творце общества, полагал, что человек далеко не всегда пассивно воспринимает социальные нормы, обычаи и т.д., навязываемые ему извне, обществом. «Осмысливая коллективные институты, приспособляя их к себе, мы их индивидуализируем, мы так или иначе отмечаем их своей личной меткой. ... Разные субъекты по-разному адаптируются в одной и той же физической среде. Вот почему каждый из нас в определенной мере создает себе *собственную мораль, собственную религию, собственную технику*» [27, с. 405]. С другой же стороны, конструктивистские, феноменологические, микросоциологические теории далеко не всегда исключают системные, структурные, социетальные и т.п. факторы конституирования субъекта и субъектности.

¹² В лоне организмических теорий, если следовать штотмпковской типологии, тут имеются в виду разные эволюционистские, функционалистские, системные, структуралистские и т.п. теории – всё то, что П. Штомпка назвал «странные модели общества без людей» [25, с. 243].

Безусловно, мэйнстримом современной социологии является вариант, подчёркиваемый П. Штомпкой, в котором социальный субъект и гуманизован, и социализирован. Различные варианты этого колеблются от синтетических попыток вроде Э. Гидденса или П. Бурдьё¹³ до постмодернистских и в чём-то даже постсоциологических попыток объяснения феномена субъектности¹⁴.

При этом субъект как «олицетворение целерациональности, воплощение рефлексивности и свободы» [28, с. 103] уходит всё дальше в прошлое, и, следовательно, изменяются представления о носителях субъектности. Правда, тут социология нередко не удерживается от маятниковой радикальности. Так, субъектность приписывается прежде всего девиантам, подрывающим устоявшуюся систему ценностей и норм социального взаимодействия и «ответственным» за изменения общества в целом (в отличие от изменений в обществе): такое понимание субъекта «предполагает как деятельность, действие и авторство, так и подчинение» [29, с. 326]. Внимание к хаосу после двухвекового акцента на космосе не может быть оправдано как «компенсация»: разумным был бы учёт как одного, так и другого диалектического полюса.

К тому же такая поляризация век спустя ввергает социологию всё в ту же ошибку имени Парето и Тарда: субъективность атрибутируется лишь избранному меньшинству, что автоматически либо конспирологически деформирует общую теорию социального, либо элиминирует сам шанс на «возвращение субъекта» в социологию¹⁵. Но и теории, которые видят движущие силы социокультурных процессов прежде всего в коллективных (корпоративных) субъектах действия (например, концепции коллективного, группового действия), в случае введения модуса исключительности¹⁶ впадают в противоположную ошибку.

Этим мы лишний раз подчёркиваем, что социальная субъектность никогда не бывает ни безграничной, ни безгранично ограниченной. Дефинирование её границ – важная задача социолога, приступающего к исследованию данной темы¹⁷. Игнорирование этого дефинирования либо ввергает социолога в «ловушку бесконечного определения», либо оставляет его наедине с сугубо демагогическими, политически окрашенными и малонаучными категориями (вроде «активизм», «креативность» и т.п.).

Это замечание учитывают новейшие социологические теории, которые акцентируют внимание как на индивидуальных, так и на коллективных (групповых) социальных субъектах, пытаясь выявить «механизмы,

¹³ Где структуры представлены в виде инкорпорированных субъекту вариаций поведения, а свобода субъекта – в виде возможности выбора среди этих вариаций или их комбинирования.

¹⁴ Тут можно привлечь для примера как чистых постмодернистов (вроде Ж.-Ф. Лиотара), так и «поздних модернистов» (Ю. Хабермас, У. Бек) и т.п.

¹⁵ Ибо тогда субъект остаётся предметом политологии или психологии, а как значимый массовый социальный феномен он не существует.

¹⁶ То есть объяснения социокультурных процессов *исключительно* через коллективные действия.

¹⁷ Мы хорошо понимаем, что эта тема граничит с дефинированием границ понятия и феномена свободы, однако всё равно не можем обойти её стороной.

с помощью которых они производят и воспроизводят социальную реальность» [25, с. 245]. Так, А. Этциони, один из авторов теории социальной направленности, рассматривает «мобилизационные силы коллективов и обществ в качестве основного источника их собственных преобразований и трансформаций их отношений с другими социальными единицами» [30, р. 393]. Другой вариант предлагает А. Турен в своей концепции «самопроизводящегося общества», где он акцентирует внимание на том, что общество и история являются производными коллективных действий, главными носителями которых выступают социальные движения [31]. Становление субъектности в таких социальных движениях связано с возникновением индустриального общества, существенно увеличившего «способности к самостоятельности» и расширившего диапазоны возможностей и вариантов выбора.

В анализе специфики этой субъектности Турен вполне релевантен нашим вышеприведенным рассуждениям, указывая на то, что современная наука возвращается к свободе как центру социальной жизни «и даже, если смотреть еще глубже, к понятию *субъекта*, поскольку он представляет способность людей одновременно освобождаться и от трансцендентных принципов, и от коммунитарных правил» [4, с. 56]. Однако рационализм Турена (его акцент на сознании), а также протестно ярко заявленный антиэтатизм¹⁸ несколько снижают ценность его теоретизирования. Впрочем, эту же ошибку отчасти повторяет Ю. Хабермас¹⁹.

Особенно хорошо этот логический ход высвечивается тем, что понятие «субъект», по Турену, обязательно предполагает «дистанцию, занятую индивидами и коллективами в отношении институтов, практик и идеологий» [4, с. 60]. Такое сугубо идеолого-мировоззренческое дистанцирование не может быть объяснено никакими гносеологическими или даже эпистемологическими причинами. Его поиски техник дистанцирования, с помощью которых утвердится «свобода субъекта», граничит с неосознанием простого факта социализированности субъектности. Даже «смерть» индустриального производства субъектов и субъектности (а это крайне спорный тезис, если его рассматривать всерьёз) не даёт нам основания говорить в таком ключе. О проблематизации и актуализации этой проблемы – да. Но не об «уходе» и не об «исчезновении».

Безусловно, индустриальное производство социального во многом детерминировало траектории биографий и артефакты истории; безусловно, жизненные выборы людей индустриального общества зачастую были сделаны их предшественниками; безусловно, жёсткость структур и институтов индустриального общества была такова, что их ослабление подвело З. Баумана к метафоре «текучести» (что в том числе, основано на постоянных, каждодневных самостоятельных выборах человека, определяющего для себя жизненные стратегии и способы их реализации). Но

всё это не означает ни распада традиционных структур и институтов продуцирования субъекта и субъектности, ни (необходимости) дистанцирования (по логике А. Турена). Как раз наоборот: человек, выстраивающий свою жизнь по собственному сценарию, делающий самостоятельный и ответственный стратегический выбор и реализующий его, становится подлинным социальным субъектом именно в современном значении этого слова (для понимания этого достаточно быть знакомым с культурными продуктами модерна). В некотором смысле такой человек диалектически как раз не является субъектом, ибо он не выбирает, *являться* ему субъектом или нет, *выбирать* свободу²⁰ или нет. Такой субъект оказывается несубъектом своей субъектности, оставаясь при этом вполне субъектом в традиционном понимании этой категории.

Эту мысль мы можем оттенить аргументами Э. Гидденса (см.: [32]), акцентирующего внимание на действиях и взаимодействиях социальных субъектов (прежде всего индивидов), детерминирующих *постоянные* изменения социальной реальности. Напомним, что именно поэтому Гидденс постулирует некорректность «статического» понятия «структура» и необходимость введения «динамической» категории «структурация» как описания коллективного поведения людей: «Вся наша жизнь проходит в трансформации» [32, р. 3], и вся эта жизнь есть (вос)производство общества. Обладая безусловной субъектностью (ибо индикаторы свободы, творчества, самоопределения и т.п. наличествуют), такие субъекты фроммовски обречены на невыбирание своей субъектности, то есть они не являются тем, что мы предлагаем назвать *мета-субъектами* – субъектами по отношению к своей субъектности, к её рамкам и пределам.

Гидденсовское описание повседневного поведения обычных людей, часто далеких от каких-либо реформистских намерений, тем не менее проявляющих качества социальной субъектности, арчеровская морфогенетическая картина [см. 33] постоянного и радикального переструктурирования – это как раз концепции субъектов, замкнутых в своей субъектности и обречённых на неё; более того, они обречены не только на онтологию субъектности – они обречены на узкий спектр реализации этой субъектности (то есть лишь в тех модусах и тех формах, на которые их «обрекает» социальное). И достигается это, безусловно, знаниевыми механизмами. Так, М. Арчер, выделяя два типа субъектов («корпоративные агенты» и «первичные агенты» (индивиды)), называет такие важнейшие черты субъектности, как способность к размышлению, целенаправленность, стремление к продвижению и новациям, сопряженные с возможностью реализации человеческой способности к познанию или всезнанию. Все эти атрибуты субъектности мало того, что социокультурно и исторически ограничены²¹, так ещё и самоподдерживают себя сугубо знаниевыми механизмами (ибо существуют в «общепризнанном», в «не-

¹⁸ Совершенно, между прочим, неправомочный и логически неаргументируемый в данной конструкции.

¹⁹ Не исключено, что перед нами не только «ошибка теоретизирования», но и «ошибка поколения», возвращённого на страхе и опасении перед всемогущим государством тоталитарности, на восторгах и поисках «поколения 1968 года» и т.д.

²⁰ Кавычки можно расставить по вкусу.

²¹ Для сравнения: достаточно изучить описание конструирования «культуры состоятельности», которое приводят супруги Бергеры и Р. Коллинз [34], чтобы осознать навязчивость и тоталитарность производства субъектности в том понимании, в котором его предпочитает неолиберально организованное общество.

дискутируемом», в «доксе» (по Бурдые), в «здравом смысле»).

Обратившись к дальнейшему анализу характеристик субъектности, мы обнаружили у У. Бека такой перечень характеристик социальных субъектов, как «способность *предвосхищать опасности, переносить их, обращаться с ними на биографическом и политическом уровне...* Субъекты должны научиться преодолевать страх и неуверенность. Из этого нарастающего принуждения к *самостоятельному* преодолению неуверенности раньше или позже должны возникнуть новые требования к общественным институтам в сфере образования, терапии и политики... Таким образом, в обществе риска обхождение со страхом и неуверенностью становится в биографическом и политическом плане *ключевой цивилизационной квалификацией*, а выработка соответствующих способностей – существенной задачей педагогических учреждений» [35, с. 93]. Однако же, как мы видим, при структурной и институциональной обусловленности субъектности её характеристики и спецификации остаются знаниевыми, причём, заметим, парадоксальность и до некоторой степени оксюморонность сочетания «субъекты должны научиться» не замечается самим автором (это мы и концептуализировали выше как «обречённость на субъектность»).

Уже неоднократно упомянутый нами П. Штомпка, анализируя субъектные характеристики, делит их на две группы: одна из них «определяет, будут ли люди стремиться изменить свое общество²², вторая – будут ли люди способны действовать²³. Деятеля можно считать прогрессивным, если он сочетает обе предпосылки: мотивации и возможности, иными словами, если он *хочет и может* действовать» [25, с. 64]. Иначе говоря, помимо увязки субъектности с уже указанной нами гипотезой рациональности, мы наблюдаем также увязку субъектности с гипотезой аксиомаркированности: субъектность аксиоматично подлежит аксиологической оценке (что есть прогрессивное, собственно? Всякое ли действие из «хочет и может» приводит к прогрессу? Всякое ли стремление изменить общество будет прогрессивным и положительным?). При этом Штомпка «усугубляет» свою концепцию указанием, что «идеальным типом активного общества»²⁴ будет тип, субъектно продуцированный совпадением пяти условий: «1) творческие, независимые, адекватно осознающие реальность деятели; 2) богатые и гибкие структуры; 3) благоприятные и активно воспринимаемые естественные условия; 4) долгая и уважаемая традиция; 5) оптимистичный, долгосрочный взгляд на будущее и его планирование» [25, с. 64], что будет «генерировать прогрессивно ориентированную деятельность», отвечающую характеристикам подлинной социальной субъектности.

Такая картина весьма проблематична как теоретически, так и методологически. Во-первых, теоретик не имеет права отказывать в субъектности (идентичности, праве, онтологическом статусе, системности -

каком угодно атрибуте) «оппоненту» его собственного взгляда на прогрессивность / успешность / полезность и т.п. Во-вторых, она ставит вопрос об индикаторах «прогрессивного», «творческого», «адекватно осознающего»²⁵, «богатого», «уважаемого», «благоприятного», «гибкого» и т.п. сугубо оценочных эпитетах. В-третьих, она воспроизводит всё ту же «контейнерную» социологию (в данном случае вестернизированную), которая отказывает в самостоятельной и сущностной онтологии другим социальностям и другим формам и способам осознания социальностей.

Ещё одним важным измерением субъектности, по П. Штомпке, является самотрансценденция²⁶ и её феномены: «...Самотрансценденция происходит по трем «границам» условий человеческого существования: трансценденция природы посредством ее покорения, контроля и регулирования; трансценденция социальных структур посредством отказа от прежних, просмотра реформ и революций; и последняя по месту, но не по значению – самотрансценденция посредством обучения, тренировки, самоконтроля, продвижения вперед и т.д.» [25, с. 65]. Это является хотя и сугубо теоретическим, однако аргументом в пользу нашего концептуального предложения метасубъектности. Способность переступить «границу» жизнедеятельности личности в контексте нашего исследования и вообще в условиях современного мира приобретает особую актуальность, поскольку прежде всего связана с реализацией личностного потенциала, возможностями его развития, самотрансформации. Это вытекает из природы самотрансценденности (или тенденции к самотрансценденности), которая, полагает Штомпка, детерминирована двумя основными качествами человека: во-первых, склонностью к инновациям, генерированию новых идей; во-вторых, кумулятивным характером постоянно расширяющегося и обогащающегося человеческого опыта, который на индивидуальном уровне приобретает путем обучения, а на историческом – благодаря социальной сфере и культуре. Отбрасывая позитивистски-прогрессивистскую риторику Штомпки, мы солидаризируемся с ним в том, что самотрансценденции (как субъектность по отношению к своей субъектности, субъектность по отношению к своей *возможности* выбора²⁷) в условиях «текущей» социальности, фундирующей себя не в жестких структурах и институтах, а в мягких «знаниевых» основаниях, становятся важным фактором субъектности в полном смысле этого слова. Бодрийярская «чёрная дыра социального» в виде молчаливого большинства определяется вовсе не способностью или неспособностью участвовать в политике: его онтологическая детерминация погружена куда глубже – в (не)способность определять сами границы своего участия в политике, свои возможности влияния и возможные последствия своих действий в ней²⁸. Без-

²² Входящие в эту группу переменные формируют мотивации, ориентированные на действие.

²³ Переменные данной группы формируют поведенческие возможности, направленные на действие.

²⁴ Термин, введенный А. Этциони.

²⁵ Теорема Гофмана и теорема Томаса, насколько нам известно, до сих пор так окончательно и не согласованы.

²⁶ Способность выходить за собственные пределы, прорываться через сдерживающие трудности, преграды, «переступить границу».

²⁷ Условно говоря: не выбирать между тремя сортами колбасы, а выбирать между колбасой и книгой.

условно, Штомпка видел эту интеллектуальную ловушку, поэтому старался расширить субъектность человека через такие категории, как «неограниченная способность человека», «созидание», «обучаемость», «возможность воспринимать или создавать новшества», «способность постоянно наращивать багаж знаний, мастерства, стратегий, технологий и т.д.» [25, с. 65], в чём он видит не только источник социальной субъектности, но и главное условие прогресса человечества, вопреки всем пессимистическим взглядам по поводу его будущего. И, безусловно, он отдаёт себе отчет в том, что самотрансцендентный социальный субъект – это идеальный тип, причём различные естественные и социокультурные факторы²⁹, подавляющие активность, могут воспрепятствовать развитию способности субъектов к созиданию. Однако нам важнее то, что Штомпка не «высвобождает» субъекта полностью из-под «давления» социальной структурности: важным условием субъектности он полагает процесс накопления и трансмиссии традиций, где решающей он видел роль таких социальных институтов, как семья, церковь, школа, средства массовой информации и др. Это доказывает, что Штомпка также осознаёт диалектичность субъектности, её «вырастание» из социальной структурности³⁰, и, следовательно, определение субъектом самого себя в тех знаковых инструментах и категориях, которые ему представляются социальностью.

В постсоветском социологическом дискурсе проблематика субъектности существенно модифицируется вместе с радикальными трансформациями конца «короткого XX века», говоря языком Э. Хобсбаума. Так, анализируя социальную структуру советского общества 1980-х гг., Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина обнаружили поразившую их бессубъектность: «Субъект – это прежде всего тот, кто проявляет активность, имеет собственную позицию, стратегию поведения и ее реализует. Поскольку нас интересовала подлинная социальная структура советского общества, мы искали те социальные группы, которые проявляют самостоятельность и целенаправленную активность, во-первых, как и положено, в деятельности экономической, хозяйской по отношению к собственности. Так вот, мы этих субъектов не нашли» [36, с. 124]. Поэтому появились такие «субъекты», как сторонники и противники перестройки, консерваторы, революционеры, авангардисты и т.д. Подмена социальных субъектов псевдосубъектами не устранила бессубъектности общества, вернее, как отмечали Т.И. Заславская и Р. В. Рывкина, не изменила теневой характер социальной структуры советского общества. О бессубъектно-

сти общества писал и В.А. Ядов, полагая, что именно этим советское общество было тождественно традиционному [37]. Определяя субъектность как «способность социальных субъектов ... реагировать на внутренние ... и внешние ... вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции природных, социальных, экономических и политических сдвигов и содействовать желательным» [38, с. 11], российский социолог тем самым предлагает более широкое, нежели мировоззренчески и ценностно окрашенное дефинирование субъектности Р.В. Рывкиной. Латентно возражая Рывкиной, современный философ Славой Жижек в книге «О насилии» [39] называет подобные интенции – теоретические или политические, практические или категориальные – «ложным чувством безотлагательности», указывая: «В некоторых ситуациях единственная по-настоящему «практическая» вещь состоит в том, чтобы бороться с соблазном незамедлительных действий и «сидеть и ждать», занимаясь терпеливым критическим анализом. От нас со всех сторон требуют вовлеченности и участия». Жижек, в отличие от Рывкиной, не отказывает в субъектности лишь на основании очевидного отсутствия явных движений и акций, демонстративной стратегичности и нигилистичной самостоятельности. С. Жижек куда ближе подобрался к категории метасубъекта, которую мы предлагаем именно для освобождения социологического дискурса от чрезмерного пафоса освобождения, для десубъективации субъектности и для деаксиологизации аксиоматики субъектности.

Своеобразной постмодернистской альтернативой этому является эвристическое предложение А. Согомонова в виде «неораблезианской субъектности» как «феномене предсовременной ситуации»: стиль мышления и телесность Панурга «удивительным образом напоминает нашу телесность и наш сегодняшний интеллектуализм» [40, с. 62]; этого героя не отягощает «груз социальной ответственности, профессионального призвания и необходимости участия в общественном разделении труда. Он ...вне каких-либо солидаристических общностей, и поэтому его идентичность строго не кодифицируется» [40, с. 62-63]. Он противопоставляет себя, свою судьбу и биографию гранд-нарративам культуры и всеобщей истории (и здесь А. Согомонов явно апеллирует к Ж.-Ф. Лиотару), а саму биографию конструирует эстетски, или, по М. Фуко, как материальный объект, «из которого необходимо (и вполне возможно) сотворить произведение искусства» [40, с. 63].

Субъектность такого человека Согомонов видит в поиске между противоречиями постсовременной культуры (между глобальностью постсовременного мира и многомиллионной локальностью единичных биографический судеб) новых форм жизнедеятельности – «яркой эстетической выразительности своей карьеры, эффективности своего политического соучастия, чрезмерной привлекательности своих тусовок и т.п. Но главная опасность для неораблезианцев начала XXI столетия – утрата «общего» (социального) понимания конечности субъективных миров: они перестают ориентироваться в том, где кончается их внутренний мир и начинается мир внешний» [40, с. 64-65].

²⁸ Здесь, например, можно было бы развернуть длительный диспут, являлись ли протестанты «арабской весны» субъектами своего политического действия (и если являлись, то почему их коллективные действия, с одной стороны, настолько социально технологичны, с другой же, - иронично были прозваны facebook-революциями), однако это не является предметом нашей статьи.

²⁹ В качестве примера таких факторов П. Штомпка приводит, в частности, пассивность, сформировавшуюся в результате социализации, «подключение адаптивных, защитных механизмов и жесткие уроки, «шрамы» от прошлых неудач» [25, с. 66].

³⁰ Аналогично бурдьевистскому габитусу – «структурированной структуре, предрасположенной функционировать как структурирующая структура» [5].

Опасность, собственно, в том, что «возрожденное неораблезианство... означает возвращение нашей цивилизации к гиперперсонализму досовременной эпохи и, вполне вероятно, окажет весьма серьезное воздействие на социокультурную эволюцию общества современного типа» [40, с. 67].

Такие образцы теоретизирования лишней раз подчёркивают релевантность наших гипотез о кризисе рационалистских моделей как биографий, так и субъектов³¹, а также о том, что рационалистски инспирированный отказ от коллективности не только приводит к расширению ориентации биографических проектов исключительно на себя самих с «резервированием» за собой права на серьёзную жизненную ошибку

ку³², с отказом от сопричастности к «гранд-нарративам». Это, конечно, «освобождает» субъектов от дополнительной «биографической страховки»: страховки идеологической, страховки дискурсивной», страховки смысложизненной, страховки субъектной, страховки коллективистской, страховки практической. Однако это же приводит к уже не только количественной, но и качественной атомизации и индивидуализации (процессов, описанных Н. Элиасом и З. Бауманом). «Неораблезианская субъектность» в своём саркастичном нигилизме рано или поздно трансформирует субъекта в не-субъекта, и уж, безусловно, закроет все возможные пути для движения к метасубъектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sztompka P. Society in Action. The theory of social becoming. – Cambridge Polity Press, 1991. – 219 p.
2. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.
3. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – Самара: Самарский университет, 1995. – 245 с.
4. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
5. Бурдьё П. Начала. Choses dites: Пер. с фр./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minit, 1987. Перевод Шматко Н.А./ — М.: Socio-Logos, 1994. — 288 с.
6. Kellner D. Popular Culture and the Construction of Postmodern Identity // Modernity and Identity. – Oxford: Cambridge, 1992.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. / Перевод Д.Кралечкина. – М.: У-Фактория, 2007.
8. Бауман З. Актуальность Холокоста — Москва: Европа, 2010. — 316 с.
9. Бауман Зигмунт. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева.-М.: Логос, 2002. - 390 с.
10. Яцино М. Культура индивидуализма. Х.: Гуманитарный центр, 2012. - 280 с.
11. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1985.
12. Социологический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА М. – Норма, 1998. – 481 с.
13. Acher M. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. – Cambridge: Cambridge Univer Press, 1995. –354 p.
14. Куценко О.Д. К новой парадигме социальных изменений: теоретические штрихи // Харьковские социологические чтения – 98. Сборник научных работ. – Харьков: УЭПП «Радар», 1998. – с. 12-18.
15. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. - № 1. – с. 6-16.
16. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004
17. Большой толковый социологический словарь. Т.2. – М.: Вечер, АСТ, 1999. – 527 с.
18. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
19. Бауман З. Текучая современность — Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с.
20. Новые социальные неравенства / Под ред. С. Макеева. - К.: Институт социологии НАН Украины, 2006. - 355 с.
21. Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос (1). – М., 1992. – с. 82-97
22. Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках / Inter. Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2002. - № 1. с. 7-24.
23. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. — Том I, 1998. — № 2.
24. Харви Д. Краткая история неолиберализма. — М.: Поколение, 2007. — 288 с.
25. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – с. 268-292
26. Gary Becker. The Economic Way of Looking at Life, Nobel Lecture, 9. December 1992 // <http://home.uchicago.edu/~gbecker/Nobel/nobellecture.pdf>
27. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
28. Злобіна О. Особистість як суб'єкт соціальних змін. – К.: Інститут соціології НАН України, 2004. – 400 с.
29. Аберкромби Н. Хилл С., Тёрнер Б.С. Социологический словарь / Пер. С англ. Под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. – 420 с.
30. Etzioni A. The Active Society. – New York: Free Press, 1968. – 698 p.
31. Touraine A. The Self-Production of Society. – Chicago: University of Chicago Press, 1977. – 488 p.; Touraine A. Social Movements and Social Change in: Orlando Fals Borda (ed.) // The Challenge of Social Change. – London: Sage, 1985. – p. 77-92.
32. Giddens A. Central Problems in Social Theory. – London: Macmillan, 1979. – 294 p.
33. Archer M. Culture and Agency. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 343 p.; Archer M. The Morphogenesis of Social Agency. – Uppsala: SCASSS (mimeo), 1989.
34. Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. М.: Академпроект, 2004 - 608 с.
35. Бек Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. Послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
36. Рывкина Р.В. Персонажи и признаки социального мира // В человеческом измерении / Под ред. и с предислов. А.Г. Вишневского. – М.: Прогресс, 1989. – с. 118-129.
37. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. - № 3. – с. 35-52.
38. Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2001. – с. 9-20.
39. Жижек О. насилли. – М.: «Европа», 2010. – 184 с.

³¹Кризис проективного сознания, уход отчётливого понимания людьми своей жизненной траектории.

³²Что в социальностях иных эпох и конституций рассматривается как финиш любого проекта – сравнить с тем, какой катастрофой в таких социальностях являются адюльтер; ошибочный брачный выбор; масштабный профессиональный провал; и т.д.

40. Согомонов А.Ю. Тусобщество // Аспекты социальной теории и современного общества / Под ред. С.Е. Кухте-

рина и А.Ю. Согомонова. – М.: ИС РАН, 2000. – с. 53-70.

REFERENCES

2. Luman, N. Sotsial'nyye sistemy. Ocherk obshchey teorii / Per. s nem. I. D. Gaziyeva; pod red. N. A. Golovina. — SPb.: Nauka, 2007. — 648 s.
3. Yadov V.A. Sotsiologicheskoye issledovaniye: metodologiya, programma, metody. — Samara: Samarskiy universitet, 1995. — 245 s.
4. Turen A. Vozvrashcheniye cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii. — M.: Nauchnyy mir, 1998. — 204 s.
5. Burd'yo P. Nachala. Choses dites: Per. s fr./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Perevod Shmatko N.A./ — M.: Socio-Logos, 1994. — 288 s.
7. Delyoz Zh., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya. / Perevod D.Kralechkina. — M.: U-Faktoriya, 2007.
8. Bauman Z. Aktual'nost' Holokosta — Moskva: Evropa, 2010. — 316 s.
9. Bauman Zigmunt. Individualizirovannoe obshhestvo. Per. s angl. pod red. V. L. Inozemceva. - M. : Logos, 2002. - 390 s.
10. Yacino M. Kul'tura individualizma. Kh.: Gumanitarnyj centr, 2012. - 280 s.
11. Slovar' inostrannykh slov. — M.: Russkiy yazyk, 1985.
12. Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar'. — M.: INFRA M. — Norma, 1998. — 481 s.
14. Kutsenko O.D. K novoj paradigme social'nykh izmenenij: teoreticheskie shtrihi // Kharkovskie sociologicheskie chteniya — 98. Sbornik nauchnykh rabot. — Kharkov: UE'PP «Radar», 1998. — s. 12-18.
15. Shtompka P. Socialnoe izmenenie kak travma // Sociologicheskie issledovaniya. — 2001. - № 1. — s. 6-16.
16. Gofman I. Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opyta. M.: In-t sociologii RAN; In-t Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2004
17. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. T.2. — M.: Vecher, AST, 1999. — 527 s.
18. Parsons T. O strukture social'nogo dejstviya. — M.: Akademicheskij proekt, 2000. — 880 s.
19. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' — Sankt-Peterburg: Piter, 2008. — 240 s.
20. Novye social'nye neravenstva / Pod red. S. Makeeva. - K.: Institut sociologii NAN Ukrainy, 2006. - 355 s.
21. Hajdegger M. Tsollikonеровskie seminary // Logos (1). — M., 1992. — s. 82-97
22. Rustin M. Razmyshleniya po povodu povorota k biografiiyam v social'nykh naukah / Inter. Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya. — 2002. - № 1. s. 7-24.
23. Burd'e P. Struktura, gabitus, praktika // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. — Tom I, 1998. — № 2.
24. Harvi D. Kratkaya istoriya neoliberalizma. — M.: Pokolenie, 2007. — 288 s.
25. Shtompka P. Sociologiya social'nykh izmenenij. — M.: Aspekt Press, 1996. — s. 268-292
27. Dyurkgejm E. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii / Per. s fr. — M.: Nauka, 1990. — 575 s.
28. Zlobina O. Osobistist' yak subekt social'nykh zmin. — K.: Institut sociologii NAN Ukraini, 2004. — 400 s.
29. Aberkrombi N. Hill S., Tyorner B.S. Sociologicheskij slovar' / Per. s angl. Pod red. S.A. Erofeeva. — Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1997. — 420 s.
34. Berger P., Berger B., Kollinz R. Lichnostno-orientirovannaya sociologiya. M.: Akadempromekt, 2004 - 608 s.
35. Bek Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu / Per. s nem. V. Sedel'nika i N. Fedorovoj. Poslesl. A. Filippova. — M.: Progress-Tradiciya, 2000. — 384 s.
36. Ry'vkina R.V. Personazhi i priznaki social'nogo mira // V chelovecheskom izmrenii / Pod red. i s predislov. A.G. Vishnevskogo. — M.: Progress, 1989. — s. 118-129.
37. Yadov V.A. Social'naya identifikaciya v krizisnom obshhestve // Sociologicheskij zhurnal. — 1994. - № 3. — s. 35-52.
38. Yadov V.A. A vse zhe umom Rossiyu ponyat' mozno // Rossiya: transformiruyushheesya obshhestvo / Pod red. V.A. Yadova. — M.: KANON-PRESS-C, 2001. — s. 9-20.
39. Zhizhek O nasilii. — M.: «Evropa», 2010. — 184 s.
40. Sogomonov A.Yu. Tusobshhestvo // Aспекты social'noj teorii i sovremennogo obshhestva / Pod red. S.E. Kuhterina i A.Yu. Sogomonova. — M.: IS RAN, 2000. — s. 53-70.

Discourse of social subject and subject of social discourse: possibility of knowledge theorems

L. G. Sokuryanskaya, A. S. Golikov

Abstract: In article the theoretical analysis of a discourse of subjectivity in modern western and Post-Soviet sociology is carried out. Basic provisions of article concern debatable questions of definition and operationalization of the subject and subjectivity, and also opportunities of creation of the theory of subjectivity within knowledge sociology axiomatics. It is emphasized that definitions of subjectivity in the post-modern world stop being sufficient and satisfactory. The conclusion that there is a need for promotion of category of the metasubjectness as a property of the participant of a sociality consisting in subjectivity relatively to own subjectivity is drawn.

Keywords: subject, subjectness, social, sociology of knowledge, metasubject.